

Лишь когда пришел младший евнух прибирать в теплом павильоне, Сюэ Шу наконец ушел, прихватив с собой так и не доеденное лакомство — «Усы дракона».

Одетый в форму служащего Западного бюро, с суровым выражением лица, он тем не менее нес в руках блюдо со сладостями. По пути в Западное бюро он привлек немало любопытных взглядов.

Даже Инь Чэнцзин, только что вернувшийся во дворец, обратил на него внимание. Сжимая складной веер, Третий принц пьяно опирался на плечо смазливому актеру и, прищурившись, долго разглядывал идущего евнуха, прежде чем спросить своего слугу:

— Это Сюэ Шу?

— Да... должно быть, он, — неуверенно ответил слуга, который и сам не слишком хорошо знал Сюэ Шу в лицо, хотя за последние пару дней слышал о нем неоднократно.

В новогоднюю ночь Сюэ Шу в одиночку сразил лису-оборотня. Его клинок был остер, а лицо залито кровью — столь яростная решимость произвела неизгладимое впечатление на многих присутствующих. К тому же император позже поручил ему расследование дела о лисе-оборотне, поэтому имя Сюэ Шу в последние дни было у всех на устах.

Говорили, что это юноша лет шестнадцати-семнадцати, только что оскопленный и поступивший во дворец. Он сразу же навлек на себя гнев управляющего Восточным дворцом и был сослан в Западное бюро прозябать в неизвестности. Казалось, если не случится чуда, он так и сгинет там до конца своих дней. Кто бы мог подумать, что он обладает таким мастерством и сумеет одним лишь мечом выбраться из грязи?

Многие даже предполагали, что с появлением такой фигуры Западное бюро, давно пребывавшее в упадке, может вновь обрести силу.

— Надо же, даже мой добрый старший брат временами ошибается в людях. Неудивительно, что он последние дни так часто вызывает его в Восточный дворец — боюсь, ищет способы переманить на свою сторону. Пойдем, поприветствуем его.

Инь Чэнцзин хмыкнул, оттолкнул поддерживавшего его актера, оправил одежду и, обмахиваясь веером, шагнул вперед, преграждая Сюэ Шу путь:

— Маленький евнух Сюэ возвращается в Западное бюро?

«Маленький евнух Сюэ»?

Сюэ Шу впервые слышал такое обращение и на мгновение застыл, прежде чем осознал, что оно адресовано ему. Хоть он и не был оскоплен, теперь его считали евнухом. Опустив голову,

чтобы скрыть промелькнувшие в глазах эмоции, он ответил ровно, без подобострастия, но и без дерзости:

— Да, Ваше Высочество.

Он, конечно, узнал Инь Чэнцзина. И даже помнил, как в новогоднюю ночь Наследный принц то и дело бросал на него взгляды.

— У тебя в руках «усы дракона»? — Инь Чэнцзин наклонил голову, разглядывая блюдо, и цокнул языком. — Старший брат всегда любил это лакомство. Уж не он ли тебя пожаловал? — Принц удивленно вскинул брови. — Я слышал, ты только что раскрыл дело о лисе-оборотне, и старший брат наградил тебя... этим? — Он усмехнулся. — Пожалуй, слишком уж скупое, — добавил он то ли в шутку, то ли всерьез.

Сюэ Шу нахмурился. Он терпеть не мог, когда кто-то дурно отзывался об Инь Чэньюе.

— Это я попросил у Его Высочества, мне нравится это лакомство.

Однако Инь Чэнцзин явно не поверил. Прикрыв губы веером, он неопределенно улыбнулся:

— Маленький евнух Сюэ весьма непритязателен.

Сюэ Шу быстро взглянул на него, его терпение начинало иссякать.

— Если у Вашего Высочества нет других дел, я хотел бы откланяться. Нужно как можно скорее подготовить материалы по делу о лисе-оборотне для Его Величества.

Тон его нельзя было назвать почтительным, но Инь Чэнцзин ничуть не рассердился и с изысканной любезностью уступил дорогу:

— В таком случае не буду мешать маленькому евнуху Сюэ исполнять поручение отца-императора. Прошу.

Сюэ Шу без церемоний прошел мимо.

Инь Чэнцзин долго смотрел ему вслед, затем повернулся к поддерживавшему его актеру и приказал:

— Передай сегодняшние новости Второму. Скажи... Сюэ Шу отличился, но Наследный принц откупился от него всего лишь блюдцем сладостей.

Остальное его второй брат сделает сам.

Воспоминания о прошлой жизни пробудили в душе Инь Чэньюя застарелую тоску, и несколько следующих дней он не вызывал к себе Сюэ Шу. Однако новости о нем доходили до Наследного принца исправно.

Даос Ванчэнь «покончил с собой, страшись наказания». Император Лунфэн пришел в ярость. Он не только выгнал из дворца всех ранее приглашенных и почитаемых мудрецов, но и приказал выбросить тело даоса Ванчэня на кладбище для бедняков на съедение диким псам. Вероятно, в ближайшее время он не станет доверять никаким святым отшельникам и даосам.

Из-за этого инцидента досталось и Восточному бюро, и Императорской гвардии. Гао Сянь и Гун Хунфэй были обвинены в халатности и недосмотре. Император Лунфэн обрушил на них свой гнев и лишил годового жалованья.

Разумеется, главный евнух Департамента церемоний и командующий Императорской гвардией не обеднеют от потери жалования, но удар по их репутации был весьма ощутим, к тому же они рисковали утратить благосклонность государя.

А вот Сюэ Шу, отвечавший за расследование этого дела, как и ожидалось, снискал расположение императора Лунфэна.

То, с какой отвагой он сразил лису-оборотня, произвело сильное впечатление. А когда император Лунфэн позже узнал, что Сюэ Шу был не переведенным из Императорской гвардии служащим Западного бюро, а дворцовым евнухом, он пришел в еще больший восторг.

Император счел это подтверждением своей правоты в доверии к придворным слугам — не он полагается на евнухов, а просто Императорская гвардия и придворные чиновники слишком никчемны!

Под предлогом проверки он даже устроил Сюэ Шу поединок на тренировочном поле с дюжиной отборных воинов Императорской гвардии, которые сменяли друг друга.

Исход был предсказуем: Сюэ Шу победил.

Все приемы кулачного боя Сюэ Шу отточил за долгие годы скитаний и драк на улицах. В нем чувствовалась природная жестокость, а удары его были беспощадны. Всех воинов Императорской гвардии, выходивших против него, в итоге уносили с поля.

Император Лунфэн был в превосходном настроении и на месте издал указ: Сюэ Шу назначался цзяньгуанем Императорских конюшен и верховным командующим гарнизона Сывэй, а также

тысячником по наказаниям Западного бюро. По своему положению он уступал теперь лишь начальнику Западного бюро. Столь явная милость свидетельствовала о высочайшем расположении.

— Похоже, Его Величество намерен возродить Западное бюро. И при дворе, и за его пределами царит беспокойство. Самые проворные уже ищут способы подобраться к цзяньгуаню Сюэ. Говорят, люди Второго принца тоже отправили ему подарки в честь назначения. Цзяньгуань Сюэ ни от чего не отказывается, все принимает.

Говоря об этом, Чжэн Добао не скрывал своего возмущения. Уж он-то прекрасно знал, кому Сюэ Шу обязан своим возвышением — разве не их Наследный принц проложил ему путь?

А теперь, когда плоды созрели, нашлись охотники их присвоить — как тут не злиться?

А этот Сюэ Шу? Думали, преданный, а он оказался таким недальновидным и алчным! Едва возвысился, как уже начал принимать подношения!

Инь Чэньюй, напротив, казался совершенно спокойным. Он неторопливо перевернул страницу книги и промолвил:

— К чему спешка? Сюэ Шу они не нужны.

Дело было не в излишней самоуверенности относительно своего умения управлять людьми. Просто в прошлой жизни все эти люди уже пытались переманить Сюэ Шу на свою сторону, но потерпели неудачу.

И в прошлой, и в нынешней жизни Сюэ Шу оставался тем же Сюэ Шу. Те, кого он презирал раньше, не могли заслужить его уважения теперь.

К тому же, император Лунфэн вновь приблизил Сюэ Шу и возродил Западное бюро не только из-за того, что тот спас ему жизнь. Император Лунфэн всегда был подозрителен, а недавнее дело о лисе-оборотне лишь усилило его паранойю. Вероятно, он все еще подозревал, что приспешники покойного императора Сяо-цзуна тайно замышляют его убить, и видел изменников в каждом придворном.

Сюэ Шу спас государя, но был незнатен и не имел связей ни во внутреннем дворце, ни при внешнем дворе. Для императора Лунфэна не могло быть более надежной кандидатуры.

В такой момент, когда император Лунфэн был охвачен подозрениями, любой, кто попытается сблизиться с Сюэ Шу, лишь вызовет подозрения в собственной нелояльности.

Только Второй брат, недалекий умом, мог совершить такую глупость.

Чжэн Добао, однако, не разделял спокойствия Инь Чэньюя. Ему казалось, что Сюэ Шу может ослепнуть от внезапного богатства и славы и забыть, кто его истинный хозяин. Но раз Наследный принц не беспокоился, его слова были бы излишни. Он перевел разговор на другую тему:

— Люди докладывают, что есть новости по делу, которое Ваше Высочество приказали расследовать.

— Говори, — Инь Чэньюй наконец проявил интерес и отложил книгу.

— Даос Ванчэнь не из столицы, расследование занимает больше времени, точных сведений пока нет. Но о том ученом по фамилии Чжао кое-что удалось узнать. Вся семья Чжао была убита, а лиса-оборотень — лишь прикрытие.

Семья этого ученого переехала в столицу год назад. Родом они были из Тяньцзиньского гарнизона. Разбогатев на речных перевозках, они всем семейством перебрались в Ванцзин. Поскольку Чжао были щедры и занимались благотворительностью, они пользовались в столице доброй славой.

Когда прошел слух, что их истребила лиса-оборотень, многие горожане, знавшие их доброту, искренне сокрушались.

Но это была лишь видимость. Люди Инь Чэньюя копнули глубже и выяснили, что рассказы о лисе-оборотне были ложью, но семью Чжао действительно убили.

— Уроженец Тяньцзиньского гарнизона, разбогатевший на речных перевозках? — Инь Чэньюй постучал пальцами по столу. — Что перевозил? И куда?

— По Великому каналу, на юг, — ответил Чжэн Добао. — Официально — вино, муку, клейкий рис и прочее. Но на самом деле — соль из Чанлу.

Соляные промыслы Чанлу находились в ведении Управления по транспортировке соли Чанлу, чья главная контора располагалась как раз в Тяньцзиньском гарнизоне.

— Контрабандная соль? — Инь Чэньюй резко поднял глаза, мгновенно все поняв.

В Великой Янь существовало пять Управлений по транспортировке соли: Лянхуай, Лянчжэ, Чанлу, Шаньдун и Хэдун. Торговля государственной солью строго контролировалась: действовали не только ограничения по разрешениям (яньинь), но и политика «исключительной продажи на берегах» (иньянь чжуаньсяо).

Согласно этой политике, соль из Чанлу могла продаваться только в Северной столичной области, Хэнани и некоторых других регионах.

Однако в последние годы из-за огромных прибылей от контрабанды соли число нелегальных торговцев постоянно росло, несмотря на все запреты. Контрабандисты часто перевозили соль в южные регионы, получая баснословные барыши. Более того, чиновники соляных управлений вступали в сговор с местными магнатами и речными гильдиями, перепродавая разрешения на соль, торгуя контрабандой, дестабилизируя соляной рынок и взвинчивая цены.

В прошлой жизни соляной инспектор Фан Чжэнкэ был отправлен с инспекцией в Управление по транспортировке соли Чанлу. Месяц спустя он прислал срочный доклад на восемьсот ли, в котором обвинял главу управления Чанлу в сговоре с нечестными купцами, незаконной продаже разрешений на соль и присвоении прибыли в несколько миллионов лянов серебра.

Это известие вызвало бурю при дворе. Император Лунфэн пришел в ярость и приказал провести тщательное расследование. Все управление Чанлу, от верхов до низов, было привлечено к ответственности.

Однако тогдашний глава управления Вань Юлян, доставленный в столицу под стражей, рыдал и клялся в своей невиновности. Он представил множество доказательств того, что лишь малая часть из этих миллионов попала в его карман, а львиную долю присвоил его предшественник. Сам же он участвовал в незаконной продаже разрешений лишь поддавшись уговорам последнего.

В Великой Янь главы соляных управлений назначались на три года. И предшественником Вань Юяна на посту главы управления Чанлу был не кто иной, как старший дядя Инь Чэньюя по материнской линии — Юй Чэнь.

Тогда Вань Юлян со слезами указывал на него прямо в зале суда, подкрепляя свои слова многочисленными письмами и свидетельствами их переписки. Все знали, что Вань Юлян был протеже первого министра Юя и имел тесные связи с Юй Чэнем. У него не было причин клеветать на дядю Наследного принца.

Внезапно оказавшийся в центре скандала Юй Чэнь не смог оправдаться и был немедленно заключен в императорскую тюрьму.

Затем последовало совместное расследование трех судебных ведомств, и император Лунфэн лично вынес приговор. Все произошло очень быстро.

Незаконная продажа разрешений, контрабанда соли, взяточничество — каждое из этих преступлений каралось конфискацией имущества и истреблением всего рода. Добрая слава, которую дед копил всю жизнь, была уничтожена в одночасье. Вся семья Юй была казнена, их имя опорочено.

А Вань Юлян, с которого все началось, отделался лишь ссылкой, поскольку семья Юй приняла на себя основной удар.

Истинный же виновник остался совершенно невредим.

Верные сановники опорочены, негодяи вершат суд.

Даже сейчас, вспоминая об этом, Инь Чэньюй стискивал зубы от ненависти.

Он долго размышлял, опустив глаза, прежде чем холодно приказать:

— Подать паланкин. Мы едем в Наньсюньфан.

Резиденция семьи Юй находилась в переулке Хунчан квартала Наньсюньфан.

Неспособность спасти семью Юй в прошлой жизни всегда была его болью.

Позже, взойдя на трон, он хотел пересмотреть старое дело, но прошло слишком много времени. Документы и улики были уничтожены теми, кто хотел скрыть правду, а Вань Юлян давно умер в ссылке. Не имея ни свидетелей, ни доказательств, он не смог даже восстановить доброе имя семьи Юй.

Если бы не Сюэ Шу, который позже нашел единственного оставшегося в живых потомка его дяди, он, вероятно, до самой смерти не смог бы обрести покоя.

Инь Чэньюй вышел из паланкина и посмотрел на табличку с надписью «Резиденция Юй». Он закрыл глаза, пытаясь успокоиться, и лишь затем вошел внутрь.

В этой жизни каждый получит по заслугам.

Никто не уйдет от возмездия.

Инь Чэньюй долго беседовал с дедом и двумя дядьями. Когда он покинул резиденцию Юй, часы уже пробили полночь.

Он откинулся на стенку паланкина. Лицо его выражало усталость, но напряжение, с которым он приехал сюда, исчезло. Он выглядел заметно расслабленнее.

Поэтому, когда паланкин остановился у ворот дворца Цыцин, и Инь Чэньюй увидел, что полог ему откидывает Сюэ Шу, он даже не рассердился. В его глазах мелькнула тень улыбки — если бы не сообразительность Сюэ Шу, обнаружившего листок с разрешением, ему, конечно, удалось бы найти способ уберечь дядю от беды, но это было бы гораздо сложнее.

— Ты не спишь среди ночи только для того, чтобы ждать здесь и откидывать мне полог?

Сюэ Шу покачал головой:

— Я хочу кое-что отдать Вашему Высочеству.

Сказав это, он не сводил глаз с Инь Чэньюя, ожидая ответа.

Инь Чэньюй взглянул на него и больше не стал упрекать в дерзости:

— Войди, поговорим внутри.

Подобный облаку подол одеяния проплыл мимо, и Сюэ Шу вновь уловил тот самый холодный аромат цветущей сливы.

Сладкий, пьянящий.

Он жадно вдыхал едва уловимый запах и широким шагом последовал за принцем.

Сегодняшний день отнял много сил. Инь Чэньюй сильно устал и не стал соблюдать церемонии, разговаривая с Сюэ Шу в главном зале. Он провел его в боковой зал своей спальни.

В зале жарко топились дилун*. Принц снял тяжелый плащ, переделся в легкую домашнюю одежду и мягкие туфли и лишь затем вышел к Сюэ Шу.

— Что за вещь ты так спешил мне показать? Подавай сюда, — Инь Чэньюй лениво откинулся в кресле и отпил глоток чая.

Он и без того обладал утонченной внешностью, а сейчас, сняв головной убор, с полураспущенными черными волосами, обрамляющими лицо, его кожа казалась нефритовой, а черты — еще более выразительными. Он сам не осознавал своей красоты — расслабленная поза, томный взгляд из-под ресниц... В мерцающем свете свечей он был неотразим.

Словно среди бескрайних снегов за одну ночь распустились все цветы на сливовом дереве — их яркое сияние слепило глаза.

Сюэ Шу впервые видел его таким и не мог отвести взгляда. В его темных глазах внезапно поднялась буря.

Инь Чэньюй случайно поднял голову и встретился с ним взглядом. Его брови тут же сошлись на переносице, и он с силой поставил чашку на стол:

— Сюэ Шу!

Чашка звякнула о дерево. Лишь тогда Сюэ Шу оторвал взгляд и поднял стоявший у его ног ящик, поставив его перед Инь Чэньюем.

Ящик был около чи** в высоту и два чи в длину и ширину, на вид довольно тяжелый.

— Открой.

Инь Чэньюй кивнул подбородком. Чжэн Добао понял знак, шагнул вперед и открыл ящик. Его тут же ослепил блеск золота, серебра и нефрита, которыми ящик был набит доверху.

— Это... — он непонимающе посмотрел на Сюэ Шу.

Если это подарок, то кто же преподносит его так — просто свалив кучу золота, серебра и нефрита в ящик? Слишком уж небрежно!

Но если не подарок, то зачем приносить такой огромный ящик посреди ночи? Не взятка ли?

— Его Величество наградил меня. Все для Вашего Высочества.

Сюэ Шу шагнул вперед с ящиком и поставил его на столик рядом с Инь Чэньюем.

Инь Чэньюй взял белого нефритового льва и, прищурившись, долго разглядывал его, затем улыбнулся:

— Это Инь Чэнчжан тебе прислал?

Он видел такого же льва у Второго брата. Белый нефрит, из которого была вырезана фигурка, был редчайшего качества — чистый и без единого изъяна, если не считать двух зеленых точек. Искусный мастер использовал эту особенность, вырезав могучего льва так, что зеленые точки стали его глазами.

Лев был редкой вещью, и Второй брат очень им дорожил. Неожиданно, что он решил пожертвовать им, чтобы переманить Сюэ Шу.

— Тут и от других подарки есть, — Сюэ Шу кивнул с полным самообладанием. — Я доложил Его Величеству. Он сказал, что я могу распоряжаться ими по своему усмотрению.

Услышав это, Инь Чэньюй снова улыбнулся и взглянул на него:

— Хитрец.

Получил подарки от других, а затем доложил об этом императору Лунфэну. Заслужил доверие императора и получил реальную выгоду.

Впрочем, если подумать, Сюэ Шу и в прошлой жизни был таким же — цепким, как репей, и с характером бродячего пса, готового содрать шкуру с каждого встречного***.

В прошлой жизни Второй брат, пытаясь переманить Сюэ Шу, тоже немало ему надарил.

Инь Чэньюй вспомнил, как вскоре после его возвращения в Восточный дворец поползли слухи об их с Сюэ Шу отношениях, особенно после того, как Сюэ Шу провел ночь во дворце Цыцин. Второй брат специально послал людей на юг, чтобы найти двух красивых и хорошо сложенных юношей-актеров. Их обучили, а затем отправили в подарок Сюэ Шу.

Кто бы мог подумать, что Сюэ Шу поступит непредсказуемо? Он тут же выхватил меч и зарубил обоих, а их отрубленные головы отослал во дворец Второго брата с сообщением, что присланные им люди пытались его убить.

В итоге Второму брату пришлось заплатить двести тысяч лянов серебра, чтобы выкупить тела и замять дело.

Неожиданно, что и в этой жизни ему довелось стать свидетелем конфуза Второго брата.

Если бы тот узнал, его, вероятно, стошнило бы кровью от злости.

Настроение Инь Чэньюя тут же улучшилось. Он одобрительно взглянул на Сюэ Шу:

— Неплохо.

Затем, снова оглядев Сюэ Шу, спросил с ноткой испытания в голосе:

— Инь Чэнчжан так щедр, неужели ты ни капли не соблазнился?

Сюэ Шу покачал головой, его взгляд был твердо устремлен на Инь Чэньюя:

— Я хочу служить только Вашему Высочеству.

Если бы Инь Чэньюй позволил, он предпочел бы остаться в Восточном дворце.

— Причина? — Сердце Инь Чэньюя дрогнуло, и в его взгляде появилось любопытство.

Сюэ Шу задумался, но ответил, что причины нет.

Он просто следовал своим побуждениям.

С той самой первой встречи с Инь Чэньюем он неудержимо стремился быть рядом с ним, хотел положить к его ногам весь мир.

В мире говорят, что людей искушают демоны и злые духи, но он считал, что истинное искушение исходит от божеств с девятых небес.

Инь Чэньюй был его божеством. Одного взгляда было достаточно, чтобы покориться и склонить голову.

Слово автора:

#О любви визуала#

Принц: Что тебе во мне нравится?

Песик: Твоя красота.

Принц: ...

Примечания:

*Дилун (地龍) — буквально "земляной дракон", система подогрева пола, аналог теплого пола.

**Чи (尺) — традиционная китайская мера длины, около 32-33 см.

***狗拿耗子 (yàn guò bá máo) — идиома, буквально "ощипать перо с каждого пролетающего гуся", означает крайнюю жадность, стремление извлечь выгоду из всего. В сочетании с狗心 (gǒu xīn) "собачий нрав" (упрямство, скверный характер) создается образ крайне неуживчивого и корыстного человека.

<http://bllate.org/book/13382/1190726>